

Процессъ наслоенія, или, какъ выразился авторъ, «ассоціація, поэтическихъ образовъ», представляется ему въ нѣсколько смутныхъ очертаніяхъ. На какой стадіи развитія застала нѣмецкая поэма объ Ортнитѣ эпическія сказанія объ Олегѣ. Брачная поѣздка Ортнита разбиралась, какъ мы видѣли, въ сравненіи съ нашей лѣтописной традиціей о походахъ Олега на Царьградъ; Судь-Судерсъ укрѣпило сближеніе; не доставало на сторонѣ русской параллели брачнаго момента; авторъ устранилъ эту недостаточность указаніемъ на народно-поэтическій символъ: взятіе города = добываніе невѣсты — и получилъ право приравнять въ этомъ смыслѣ взятіе Суда и Царьграда—Олегомъ ко взятію Судерса и Монтабура Ильей въ поэмѣ объ Ортнитѣ. Это подкрѣпляется соображеніемъ, что нѣкоторые варианты былинь о Вольгѣ, близкое родственное, отношеніе которыхъ къ Ортниту стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, оканчиваются женитьбой героевъ (героя?) на женщинахъ завоеваннаго города¹⁾. Я уже сказалъ, что ѣдетъ по невѣсту (—городъ) самъ Ортнитъ, такъ что Илья при немъ оказался бы въ роли Олега — свата, если бы послѣдній закрѣпленъ былъ въ этомъ образѣ болѣе солидной традиціей, чѣмъ та, на которую опирается проф. Халанскій.

Авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ разбору былинь, о рожденіи и о походѣ Вольги въ Индѣйское царство, о женитьбѣ его²⁾, обращая въ послѣднемъ случаѣ особое вниманіе «на дѣйствительные, болѣе поздніе факты исторіи Новгорода и Москвы, отразившіеся на фонѣ традиціонныхъ сюжетовъ», т. е. на старой основѣ пѣсни. Я предпочитаю повторить здѣсь съ нѣкоторыми измѣненіями мой прежній анализъ былинь о рожденіи и походѣ Вольги³⁾.

Рожденіе Вольги сопровождается чудесными знаменіями; этотъ мотивъ настойчиво повторяется въ былинахъ о немъ, и

1) Халанскій I. с. Августъ, стр. 353—4.

2) I. с. Ноябрь, 14 слѣд.; 35 слѣд.

3) Мелкія замѣтки къ былинамъ, I. с. стр. 24 слѣд.